

ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию Быковой Ирины Юрьевны
«Эволюция надзорного производства в гражданском процессе»,
представленную
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук, по
специальности 12.00.15- гражданский процесс:
арбитражный процесс

Изучение эволюции любого правового явления - важнейший компонент его научного осмысления, поскольку позволяет уяснить не только особенности и тенденции его становления и развития, но и понять причины и специфику современного состояния, а также спрогнозировать ожидающие его метаморфозы. Все указанное выше охватывается понятием эволюции, которое в его широком понимании, как процесса изменений, развития, включает не только генезис, но и существующее состояние, а также перспективы исследуемых явлений. Этот подход особенно значим, если речь идет о правовом явлении с достаточно длительной историей, но при этом не потерявшим своей социальной роли и тем более имеющем определенную будущность. Именно к таким правовым феноменам принадлежит и надзорное производство в гражданском процессе, являющее предметом рассматриваемого диссертационного исследования.

Некоторые идейные, а отчасти и институционные предпосылки надзорного производства, обычно увязываемого с советским периодом отечественной истории, уходят еще в имперский период отечественной истории. Речь идет, прежде всего, о нормах Устава судебных установлений 1864 г., представляющего собой судоустройственный правовой акт. Что, впрочем, как это усматривается из целого ряда постановлений Правительствующего Сената, не мешало влиянию этого надзора на судопроизводственные аспекты соответствующих дел, в том числе и гражданских. В части последних имеются в виду, конечно, гражданские дела охранительного производства, поскольку в них не принимались во внимание правила состязательного процесса. Это усматривается, например, из решения Правительствующего Сената №110 за 1894 г.¹

¹ Связанные с этим проблемы нашли отражение и в доктринальных подходах того периода отечественной истории, что усматривается, в частности, из известного исследования Стоматова П.О. об институте надзора за судебными установлениями, изданного в конце 19 столетия. См.: Стоматов П.О. О

Хотя, разумеется, в законченном виде, в качестве института процессуального права, и в этом нельзя не согласиться с автором, надзорное производство в гражданском процессе сформировалось уже в советскую эпоху. Но и по прошествии более четверти века после окончания последней, несмотря на значительную критику, как внутри страны, так и со стороны Европейского суда по правам человека (далее также ЕСПЧ), пройдя заметные изменения, надзорное производство в гражданском процессе является значимой правовой реальностью, закономерно привлекающей внимание исследователей.

Прежде всего, это связано с тем, что суд надзорной инстанции и ныне многими воспринимается как суд «последней надежды». Хотя в практическом плане такое его восприятие едва ли в полной мере соответствует сложившимся правовым реалиям. Ныне надзорное производство в гражданском процессе вряд ли может рассматриваться в качестве действенного процессуального механизма, предназначенного для непосредственной судебной защиты прав и законных интересов лиц, обращающихся в надзорную инстанцию, уже хотя бы потому, что Президиум Верховного Суда (далее также ВС) РФ рассматривает в среднем по одному делу ежегодно. Впрочем, это не отменяет значительного опосредованного влияния постановлений суда надзорной инстанции на разрешение многих дел со схожими обстоятельствами нижестоящими судами.

Поэтому актуальность темы рассматриваемого диссертационного исследования едва ли можно оспорить.

При этом, если иметь в виду аспект генезиса надзорного производства в гражданском процессе, будет преувеличением полагать, что рассматриваемая диссертация является первым монографическим исследованием, в котором этой проблематике отведено одно из ключевых мест. Этот аспект, особенно в части становления, к примеру, неплохо представлен в известной монографии К.С. Банченко-Любимовой, изданной в конце 50-х годов прошлого века². Нельзя сбрасывать со счетов также и специальные статьи того же периода, в частности,

надзоре за судебными установлениями//Журнал юридического общества при Императорском С.-Петербургском Университете.1898. Книги 3-5.

² См.: Банченко-Любимова К.С. Пересмотр судебных решений, вошедших в законную силу, в порядке надзора.М.1959.

статью Н.И. Авдеенко Н.И. и М.А. Кабанова М.А.³ Этой тематике уделено заметное внимание и в некоторых исследованиях современного периода.⁴

Но неоспоримо то, что диссертация Быковой И.Ю. - первое специальное монографическое исследование предметом которого является генезис надзорного производства в гражданском процессе, включая его эволюцию вплоть до наших дней (с учетом изменений норм, регулирующих производство в порядке надзора, внесенных Федеральным законом от 09.12.2010 г. №353-ФЗ). Более того, на наш взгляд, целью рассматриваемого исследования является, в конечном счете, не просто верное описание основных вех и значимых тенденций его становления и развития, но и осмысление возможностей (и пределов) надзорного производства в гражданском процессе в современных правовых реалиях, а также на обозримую перспективу. Последнее подтверждается предлагаемым автором *de lege ferenda* проектом главы о надзорном производстве в формируемом ныне едином ГПК РФ. С таким методологическим подходом автора к надзорному производству в гражданском процессе, как особому правовому феномену, укорененному в прошлом и настоящем отечественной системы правосудия, но, по мнению диссертанта, с которым едва ли стоит спорить, имеющего определенную будущность, трудно не согласиться.

Положения, выносимые диссертантом на защиту (с.10-14) содержат ряд характеризующих элементов новизны выводов, заслуживающих внимания, а в значительной мере и поддержки, принимая во внимание их обоснование, содержащееся в соответствующих разделах диссертации, что указывает на заметный личный вклад диссертанта в развитие процессуальной науки.

В аспекте выносимых на защиту основных положений полагаем необходимым отметить следующее.

Следует согласиться с первым положением, выносимым на защиту (с.10-11), согласно которому надзорное производство за время своего становления и развития в советском гражданском процессе прошло путь от, так называемого, высшего

³ См.: Авдеенко Н.И. Кабанов М.А. Развитие института пересмотра решений и определений в порядке судебного надзора///Сорок лет советского права. М.1957.т.2.

⁴ Например, см.: Никоноров С.Ю. Производство в порядке надзора в гражданском процессе: Дис... канд. юрид. наук. М.2004.

судебного контроля, осуществляемого Народным Комиссариатом Юстиции – надзорной инстанцией квазисудебного свойства, до судебного самоконтроля, правом инициирования которого были наделены определенные должностные лица, в том числе непосредственно должностные лица высших судебных инстанций. Равно как и с той его частью, что надзорная инстанция, представленная в настоящее время исключительно Президиумом ВС РФ, может осуществлять контроль внутри судебной системы только при наличии волеизъявления извне. Что касается той части этого положения, что сложившееся в настоящее время правовое регулирование не позволяет утверждать, что существующий институт надзорного производства в гражданском процессе выступает в качестве эволюционировавшего института советского надзора, скорее, это уже новый институт гражданского процесса, перенявший старое название и иерархичность (точнее, видимо, будет определить это, как иерархическое место) в системе проверки вступивших в законную силу судебных актов, то с ним также отчасти можно согласиться. Имея при этом в виду, в частности, что этот институт в значительной степени сохранил, как минимум, присущую ему «генетически» большую степень дискреционности полномочий соответствующих должностных лиц суда высшей инстанции. Вместе с тем можно согласиться со связанным с первым положением, выносимым на защиту, суждением диссертанта, указанным в заключительной части диссертации, согласно которому, качественное содержание значительных по количеству преобразований позволяет утверждать, что производство в порядке надзора за период своего существования в российском гражданском процессе подверглось, скорее, трансформации, чем поступательной эволюции (с.162).

Вызывают интерес суждения диссертанта, сформулированные в связанных между собой содержательно втором и третьем положениях, выносимых на защиту (с.11-13). Заслуживают внимания три варианта перспективы надзорного производства в России, формулируемые автором. Как заслуживает его и вывод диссертанта о том, что выбор из них связан с уяснением сущности и назначения данного института с тем, чтобы определить его место в системе проверки вступивших в законную силу судебных актов.

Автор акцентирует внимание на идее значимости надежного функционирования механизма «внутрисудебного самоконтроля». Однако, понимая

и даже разделяя эту идею, трудно согласиться с тем, в частности, что приоритетная роль в этом контроле должна быть именно у надзорной инстанции, с наделением последней, в лице Председателя ВС РФ и его заместителей, правом в исключительных случаях возбуждать производство в порядке надзора по собственной инициативе в Президиуме ВС РФ – в целях обеспечения единства судебной практики и законности. Думается, что увязываемые диссертантом с этим полномочием указанных должностных лиц ВС РФ защитные механизмы - ограниченность срока и исключительность случаев его реализации - едва ли в полной мере корреспондирует принципу правовой определенности, как минимум в аспекте предлагаемых сроков обжалования. Во всяком случае, в том виде, как это приводится в диссертации.

Что касается формулировки главного условия для отмены или изменения судебных постановлений, предлагаемого в этой связи диссертантом (с.164,203-204) - если без отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора невозможны восстановление и защита нарушенных прав или исправление нарушений единообразия в толковании и применении судами норм прав - то она заслуживает внимания. Однако эта клаузула ныне законодателем использована применительно ко второй кассации (ст.387 ГПК РФ). Думается, как минимум, без детальной оценки системной корреспонденции оснований для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном и надзорном порядке, т.е. двух имеющихся ныне видов иерархической проверки вступивших в законную силу судебных постановлений, позиция автора недостаточно мотивирована (тем более при нынешнем положении дел, когда возможности Президиума ВС РФ, как единственного органа, уполномоченного на отмену или изменений судебных постановлений в надзорном порядке, весьма ограничены). Причем даже если соответствующее полномочие должностных лиц ВС РФ нельзя будет отождествлять, как указывает диссертант, с сугубо административной процедурой возбуждения надзорного производства, существовавшей в советском гражданском процессе. Последнее не столь важно само по себе. В то время как отступлений от требования правовой определенности трудно будет избежать.

Определенное познавательное значение имеет указанное в качестве четвертого положения, выносимого на защиту (с.12-13), предложение диссертанта

о введении категории функции надзорного производства, а также и сами выделенные им конкретные его функции: проверочная, регулятивная, защитная, контрольная и правообразующая. Хотя, как будет показано ниже (с. 16-18 Отзыва), это положение требует дополнительного обоснования и более убедительного мотивирования, особенно в части последней – правообразующей – функции.

Следует согласиться с указанными в пятом положении, выносимом на защиту (с.13), идеями о том, что изначально, на этапе становления и развития надзорного производства в советском гражданском процессе, должностным лицом, имеющим право принесения надзорных протестов, и впоследствии судьей суда надзорной инстанции. Равно как и с тем, что основания, по которым соответствующие должностные лица принимают (принимали) решение о передаче дела для рассмотрения в суд надзорной инстанции, до настоящего времени ничем не определены. Хотя, на наш взгляд, не совсем обоснованным является предложение диссертанта установить в качестве таких оснований, в зависимости от наличия или отсутствия которых разрешается вопрос о передаче либо отказе в передаче надзорных жалобы, представления для рассмотрения в Президиум ВС РФ – нарушение норм материального и процессуального права, с одной стороны, а с другой - передать разрешение соответствующего вопроса коллегии судей.

Во всяком случае, в части основания требует дополнительного обоснования юридический смысл установления в качестве такового самого по себе нарушения норм материального и процессуального права. Думается, если и фиксировать нормативно такое основание, то оно содержательно должно корреспондировать смыслу оснований для отмены или изменения судебных постановлений в надзорном порядке (как это, к примеру, установлено ныне применительно к повторной кассации в арбитражном процессе: ч.1ст. 291.1 и ч.1 ст. 291.11 АПК РФ).

Что касается наделения правом решения вопроса о наличии/отсутствии оснований для передачи дела в надзорную инстанцию коллегии судей, то оно, безусловно, заслуживает внимания, поскольку в этом случае несколько увеличиваются шансы избежать судебной ошибки на этой возможно судьбоносной для заинтересованных лиц процессуальной стадии. Тем более, принимая во внимание, что определения об отказе в передаче дела в суд надзорной инстанции

для рассмотрения по существу не обжалуется. Но разумность этого предложения не вызывала бы особого спора, если процедура подключения к разрешению этого вопроса должностных лиц ВС РФ, которая ныне предусмотрена ч.3 ст. 391.5 ГПК РФ, была бы исключена. Между тем, как следует из предлагаемого автором в качестве приложения к диссертации проекта главы единого ГПК РФ, она сохраняется, как впрочем и тот механизм, который ныне предусмотрен в ст. 391.11 ГПК РФ (с.192,200).

Заслуживает внимания шестое положение, выносимое диссертантом на защиту (с.14-15), о том, что, учитывая значимость надзорного производства как завершающей стадии, последней из возможных, проверки оспариваемого судебного акта, необходимо предусмотреть случаи обязательного участия в производстве в порядке надзора квалифицированных представителей: адвокатов, иных юристов. Это относится и к сформулированному в нем предложению диссертанта ввести в связи с этим понятие «профессиональные участники надзорного производства в гражданском процессе». Под последними автор подразумевает, кроме членов Президиума ВС РФ, уполномоченных рассматривать надзорную жалобу, представление, Генерального прокурора РФ и его заместителей, обращающихся с представлением о пересмотре судебных актов в порядке надзора, также иных лиц, выступающих в качестве участников надзорного производства в силу своей должности и/или трудовой, профессиональной деятельности при отсутствии личного интереса в исходе дела и обладающих квалификацией, необходимой для выполнения возложенной на них функции в гражданском процессе.

Самым спорным, пожалуй, является тезис, сформулированный в седьмом положении, выносимом на защиту (с.14): об отнесении к числу профессиональных участников надзорного производства Уполномоченного по правам человека в РФ, которого диссертант предлагает наделить правом инициирования производства в порядке надзора, предусмотрев порядок и сроки его обращения в суд надзорной инстанции. Думается, это излишне. Именно в связи с этим в свое время произошло упразднение его права принести протест на вступивший в законную силу судебный акт в надзорную инстанцию (которым было наделено ФЗ от 17 марта 1997 г. № 50-ФЗ «О внесении дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР»). Это

предложение едва ли корреспондирует с требованием ЕСПЧ о неприемлемости наделения правом инициирования надзорного пересмотра судебных постановлений должностных лиц. Во всяком случае, на наш взгляд, все это требует дополнительного обоснования.

Следует поддержать и ряд иных конкретных подходов, использованных в диссертационном исследовании Быковой И.Ю. и сформулированных в нем выводов.

Рассматривая аспекты экстраординарности надзорного производства в гражданском процессе, диссертант демонстрирует неплохое знание тех внешних факторов, которые влияют на эволюцию надзорного производства в современный период. Это, прежде всего, судебная практика Конституционного суда РФ (далее также КС РФ), ЕСПЧ. Автор видит, в том числе и метаморфозы их судебной практики. Важен и представленный в соответствующем параграфе (1.2) диссертации анализ подходов самого Президиума ВС РФ к основаниям отмены и изменения судебных постановлений в надзорном порядке, установленным ГПК РФ, в частности, связанный с их расширительным толкованием(с.73-75).

Трудно не согласиться с выводами диссертанта о том, что реформирование надзорного производства еще не завершено окончательно, оно будет продолжаться, а также тем, что на процесс реформирования существенно повлияет правоприменение, судебное толкование, а также понимание гражданами, обращающимися за защитой своих прав в судебном порядке, смысла обновленных (новых) правовых норм, что будет являться своеобразным «катализатором» правовых реформ, определяющим цели, дающим направление и необходимый толчок (с.80).

В параграфе 2.1 диссертации автором осуществлено сравнение надзорного производства в российском гражданском процессе с корреспондирующими вариантами экстраординарной проверки в гражданском процессе Казахстана, Белоруссии и Украины. Формально подобное сравнение не подпадает под избранную автором тему диссертации. Тем не менее, это уместно, поскольку показывает особенности нынешнего этапа эволюции российского надзора по сравнению с иными постсоветскими государствами, которые, несмотря на общее государственно-правовое прошлое, в последние четверть века развиваются в виде

суверенных субъектов и в этом качестве самостоятельно формируют правила функционирования своих высших судов.

В этой связи следует согласиться с суждением диссертанта о познавательном значении синхронного сравнения российского надзорного производства со сходными производствами в ряде постсоветских стран - Казахстане, Белоруссии и Украине. Логичными представляются приводимые в обоснование этого доводы. Во-первых, то, что это позволяет проследить и проанализировать различия, возникшие в правовом регулировании надзорного (и сходного с ним) производства после того, как история, в том числе правовая, данных государств пошла по различному пути. А, во-вторых, хотя это во многом имеет техническое значение, то, что проведение сравнительного исследования в этом случае облегчается доступностью нормативных актов на русском языке, что позволяет при проведении исследования пользоваться не интерпретацией содержания иностранных правовых норм, даваемой зарубежными учеными-юристами на основе осуществленного ими перевода (от себя добавим - и перевода диссертанта) и понимания норм, а ссылаться непосредственно на закон, содержащий регулирующие исследуемое явление нормы права (с.82,-83).

Важно в этом плане то, что в рассматриваемом параграфе диссертации автор избегает пространного описания правового регулирования соответствующих проверочных производств в сравниваемых странах, без одновременного сравнения с порядком, установленным в российском праве, чем нередко злоупотребляют диссертанты, осуществляющие компаративистские исследования. В данном случае, рассмотрение закрепленного в законодательстве Казахстана, Белоруссии и Украины порядка осуществляется действительно в синхронном сравнении с порядком, установленным в российском гражданском процессе.

Следует признать уместным осуществленный диссертантом анализ надзорного производства гражданском (а также арбитражном) процессе в свете концепции единого ГПК РФ (с.105-120), принимая во внимание то толкование эволюции надзорного производства, которое включает не только описание его становления и развития до наших дней, но и формулирование авторских представлений (и предпочтений) относительно перспективы рассматриваемого правового явления.

Не вызывает сомнений деление автором задач гражданского судопроизводства на основную (правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел) и дополнительные (все иные, указанные в ст. 2 ГПК РФ, кроме основной), а также с тем, что гражданское судопроизводство является всего лишь одним из механизмов реализации т.н. дополнительных задач (с.124-125).

Представляется верным суждение автора о том, что в каком бы направлении не двигалось далее надзорное производство в Президиуме Верховного Суда РФ: ближе к правилам гражданского или арбитражного процесса или, может быть, даже резко повернув к надзорному производству в уголовном процессе, действенность того или иного варианта выбора законодателя возможно будет оценить лишь в результате правоприменительной деятельности суда, поскольку даже совершенные по содержанию нормы права порой требуют «шлифовки» в контексте той или иной правовой ситуации (с.120). Хотя понятно, что диссертация, безусловно, выиграла, если бы автор сформулировал свое представление о критериях, которым должно соответствовать соответствующее правовое регулирование.

Определенный познавательный интерес представляет сформулированное диссертантом определение понятия «профессиональный участник гражданского процесса», как лица, выступающего в качестве участника гражданского процесса в силу своей должности и/или трудовой, профессиональной деятельности при отсутствии личного интереса в исходе дела и обладающее квалификацией, необходимой для выполнения возложенной на него функции в гражданском процессе (с.146), а также определение круга лиц, подпадающих под эту категорию(с.147-150).

Заслуживает внимания обосновываемая автором идея закрепления в законодательстве требования об обязательности надлежащей квалификации для представителей по гражданским делам в надзорном производстве. А в дальнейшем, если надзорное производство пойдет по пути развития в качестве заочного, исключительно письменного, разбирательства, целесообразности установления и более жестких квалификационных требований к профессиональным представителям: требований наличия статуса адвоката, ученой степени в области юриспруденции, или же высшего юридического образования вкупе с опытом

судебного представительства в соответствующей отрасли права, подтверждаемого документами об осуществлении данного вида трудовой деятельности. Это действительно требует серьезной оценки законодателя с учетом опыта иных стран, с учетом провозглашенного в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации перехода к полной письменной форме производства в порядке надзора (с.156).

Следует отметить и то, что диссертант не ограничивается формулированием отдельных суждений по тому или иному аспекту своей диссертации, но также подготовил проект главы о надзорном производстве в едином ГПК РФ (с.190-211).

Вместе с тем нельзя не отметить, что *диссертация содержит ряд дискуссионных положений, а также то, что в ней недостаточно освещены некоторые немаловажные аспекты эволюции надзорного производства.*

По главе 1 диссертации «Становление и развитие надзорного производства в гражданском процессе» (с.17-81) в этом плане необходимо указать следующее.

Ведя речь об особенностях надзорного производства, как особого правового явления советской эпохи, диссертант, выделяя действительно важные из них, касающиеся изменений оснований отмены или изменения судебных постановлений и др., оставляет без внимания некоторые иные важные аспекты эволюции этого производства в гражданском процессе. Так указывая, в частности, на такую присущую ему черту, как существование нескольких судов надзорной инстанции, диссертант не выделяет такой черты эволюции надзорного производства, как смена периодов централизации и децентрализации, а также не анализирует причины и последствия этого. Последний период децентрализации, начавшийся, как известно, в 50-60 годы 20 столетия (увязываемый обычно с «хрущевской оттепелью») закончился буквально несколько лет назад под очевидным влиянием судебной практики ЕСПЧ. На данном этапе своей эволюции надзорное производство в гражданском процессе вновь характеризуется мощной централизацией в рамках Президиума ВС РФ. Не подвергнуты детальному специальному анализу и аспекты эволюции надзорного производства в гражданском процессе, связанные с присущими этой эволюции периодами с отличающимся набором субъектов, управомоченных его инициировать от собственного имени (хотя в той или иной мере эта проблематика автором все-таки затрагивается).

Требует дополнительного обоснования, в общем-то, интересное суждение диссертанта о том, что надзорное производство в гражданском процессе должно быть сохранено, однако использовать данный способ проверки вступивших в законную силу судебных актов следует, прежде всего, в целях самоконтроля судебной деятельности, поскольку с иными целями проверки вступивших в законную силу судебных актов могут справиться суды кассационной инстанции, среди которых также присутствует и ВС РФ, или же суды в рамках производства по вновь открывшимся или новым обстоятельствам (с.80). Особенно требует обоснования содержащийся здесь же тезис о наделении надзорной инстанции правом самостоятельного инициирования надзорного производства, возможностью следить за единообразием судебной практики и оказывать определяющее воздействие на правоприменительную деятельность всех судов посредством проверки вступивших в законную силу судебных актов.

По главе 2 диссертации «Отличительные черты надзорного производства в российском гражданском процессе» (с.82-120) представляется важным отметить следующее.

Недостаточно обоснованными представляются содержащиеся в параграфе 2.1. диссертации общие выводы автора, склонного к признанию правомерности рецепции ряда положений белорусского и казахстанского права.

Во-первых, сомнителен вывод о целесообразности увеличения срока, предусмотренного для подачи надзорной жалобы, если не до трех лет, как то установлено в ГПК РБ, то в любом случае более ныне закрепленного в ГПК РФ срока, ограниченного тремя месяцами. Поскольку ограниченный срок на подачу надзорной жалобы, по мнению диссертанта, не придаст стабильности судебным решениям, а, скорее, породит нескончаемые попытки восстановить пропущенный срок, что приведет к тому, что правовая определенность будет весьма призрачной. Понимая этот довод (но не соглашаясь с ним, поскольку проблема в значительной мере снимается, когда восстановление срока происходит по четко соблюдаемым единым правилам и это за счет публикации соответствующих судебных актов хорошо известно всем заинтересованным лицам), думается, само по себе его увеличение, не увеличит степень правовой определенности.

Во-вторых, едва ли можно согласиться с суждением диссертанта о необходимости заимствования российским гражданским процессуальным законодательством предусмотренной ГПК РБ инициативы высших должностных лиц судебной системы для возбуждения надзорного производства, поскольку это, по мнению автора, служит исконной цели производства в порядке надзора – самоконтролю судебной деятельности, который не может быть осуществлен в полной мере, пока у органа контроля (надзора) отсутствуют полномочия данный контроль (надзор) инициировать (с.103-104). Самоконтроль в рамках судебной системы действительно важен, но он не должен полностью отрываться от диспозитивного начала, присущего традиционно гражданскому процессу. А рассматриваемое предложение, очевидно, приведет к нарушению баланса соответствующих правовых ценностей.

Вместе с тем в связи с осуществленным в параграфе 2.1. сравнительным анализом нельзя не отметить того, что диссертация, безусловно, выиграла бы, если бы в ней был представлен анализ иностранных правовых и доктринальных источников, касающихся экстраординарных способов защиты в странах, относящихся к юрисдикции ЕСПЧ. Нельзя упускать из виду, что степень юридической свободы российского законодателя в формировании процессуального порядка деятельности высшего звена национального судопроизводства значительно меньше, чем в Казахстане и Белоруссии. В этом плане в диссертации есть сравнительный анализ только по Украине, что едва ли достаточно в аспекте компаративистики, если автор ставил среди основных своих целей и прогноз на будущее надзорного производства, с одной стороны, а с другой - прогнозирует, что Россия и на обозримую перспективу останется в правовом пространстве, «подведомственном» ЕСПЧ (поскольку именно замечания ЕСПЧ являются серьезнейшим внешним фактором модернизации российского надзорного производства).

Не очень убедительным представляется суждение диссертанта о последствиях некоторых, на наш взгляд, редакционных различий оснований для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора, содержащихся в п.3 ст. 308.8 АПК РФ (нарушение «единообразия в применении и (или) толковании судами норм права») и п.3 ст. 391.9. ГПК РФ (нарушение

«единообразия в толковании и применении судами норм права»). Диссертант полагает, что есть основания утверждать о появлении дополнительного основания для отмены или изменения судебных постановлений надзорной инстанцией в арбитражном процессе. То есть достаточно уже только усмотреть в обжалуемом судебном акте нарушение единообразия в толковании судами норм права (необязательно, чтобы суды применили соответствующие нормы права), чтобы можно было отменить или изменить судебный акт в порядке надзора (с.114). Думается, для такого вывода нет достаточных оснований, поскольку это был чрезмерно формальный подход к соответствующей норме АПК РФ. Тем более, что весьма трудно представить себе применение той или иной нормы права к обстоятельствам конкретного судебного дела полностью без ее толкования.

Не очень понятно и предложение диссертанта о необходимости уточнения того, нарушение единообразия в толковании норм права какими именно судами (какого уровня) является основанием для отмены или изменения судебных актов, ведь не всегда различие в толковании норм права неминуемо приводит к различному и неправильному применению соответствующих норм (с.114). Что касается одного аспекта этого суждения, связанного с важностью уяснения того, нарушения единообразия в толковании какими именно судами должно приводить к отмене или изменению принятых по делу судебных постановлений, то, на наш взгляд, речь может идти о нарушении, допущенном любым нижестоящим судом.

Если речь в этом плане идет о том, что требуется ясность в вопросе о том, какой суд формирует ориентиры толкования норм права, то, как представляется, применительно к нормам национального права (за исключением норм Конституции РФ), в конечном счете, в случае казуального толкования это, разумеется, надзорная инстанция. А при даче разъяснений общего характера – акты Пленума ВС РФ (если и есть в этом плане проблема, то она заключается в четком определении места и роли в этом процессе т.н. Обзоров судебной практики, утверждаемых Президиумом ВС РФ). Что касается толкования норм Конституции РФ – это прерогатива КС РФ. Применительно к нормам международного права, в случае наличия признаваемого Россией надгосударственного (межгосударственного) юрисдикционного органа, уполномоченного на их толкование, именно толкование этим органом является правовым ориентиром для всех судов РФ.

В аспекте того, что не всякое различие в толковании норм права приводит к их «различному и неправильному применению», то в теоретическом плане такая постановка вопроса возможна. Но формулирование такого суждения имеет действительное познавательное значение по общему правилу тогда, когда подкреплено конкретной практикой (в данном случае – судебной). Ибо только в этом случае усматривается реальное наличие проблемы и, соответственно, возникает необходимость поиска конкретных процессуальных форм выхода из сложившегося положения.

Диссертант берет под сомнение оправданность сроков для подачи надзорной жалобы в арбитражном процессе, которая может быть подана в течение четырех месяцев со дня вступления обжалуемых судебных постановлений в законную силу (часть 4 статьи 308.10 АПК РФ), в то время как в гражданском процессе в течение шести месяцев со дня вступления обжалуемых судебных постановлений в законную силу (часть 2 статьи 391.11 ГПК РФ). Автором предлагается рассматривать их в контексте конкретной правовой ситуации (с.115). Эти сроки действительно не ситуативные, а общие. А указанные различия все-таки имеют свое обоснование, учитывая, во-первых, что в арбитражном процессе степень профессионализации гораздо выше, чем в гражданском процессе, а, во-вторых, то, что скорейшее внесения правовой определенности в предпринимательские споры особенно актуально. Поэтому установление более короткого срока надзорного оспаривания в арбитражном процессе вполне уместно.

Автором ставится под сомнение то, что в арбитражном процессе вопрос о наличии/отсутствии оснований для изменения или отмены судебного акта решается судьей единолично (с.115). Но в этой связи нельзя не учесть, что и в арбитражном процессе ныне есть институт контроля со стороны должностных лиц ВС РФ, который в известном смысле балансирует соответствующие полномочия судьи ВС РФ действующего единолично (ч.7 ст. 308.4 АПК РФ).

Требует дополнительного обоснования позиция диссертанта, ставящего под сомнение правомерность отказа от устности в надзорном производстве (с.117). Несмотря на достаточную убедительность приведенных им доводов (единичный характер дел, рассматриваемых судом надзорной инстанции, сомнительность решения судьбы дела иначе, чем она была решена в нижестоящих судах, поскольку

это право сохраняется, тем более, что КС РФ уже выступил против решения этого вопроса без участия соответствующих лиц, участвующих в деле), их и в своей совокупности их недостаточно. Дело в том, что Президиум ВС РФ в любом случае решает вопросы права, даже в том случае, когда выносит новое решение(в этом случае презюмируется, что вопросы факта нижестоящими судами решены верно).

Тем более, что известна (в том числе и автору, как это усматривается из текста диссертации) позиция ЕСПЧ, что письменный процесс является более целесообразным, чем устный, в случаях когда суд решает только вопросы права, то есть при отсутствии спора о фактах. И очевидная связь законности и обоснованности судебных постановлений сама по себе в данном случае не имеет решающего значения, поскольку надзорная инстанция не переоценивает установленные соответствующими нижестоящими судами обстоятельства (а ведь именно по ним по общему правилу важны суждения лиц, участвующих в деле, т.к. применение норм права и в гражданском процессе – прерогатива суда, ч.1 ст. 196 ГПК РФ).

По главе 3 диссертации «Современное назначение и тенденции развития надзорного производства в гражданском процессе» (с.121-161) необходимо отметить следующее.

Поскольку выделение понятия «функции гражданского судопроизводства», наряду с его целями и задачами, нельзя признать убедительно обоснованным и в процессуальной доктрине в целом (хотя его самостоятельное познавательное значение обосновывается целым рядом процессуалистов - Зайцев И.М. и т.д.), было бы нелишним дополнительное обоснование причин восприятия автором этой научной категории в аспекте надзорного производства в гражданском процессе. Полноценная оценка места и роли этого доктринального понятия возможна посредством детального уяснения его соотношения с категориями целей и задач гражданского судопроизводства. В этой связи, впрочем, следует упомянуть, что диссертант дает определение функций гражданского судопроизводства, как не просто деятельности суда и иных участников судопроизводства, определяемой задачами и целями гражданского судопроизводства, а «направление такой деятельности, при соблюдении которого разрешаются провозглашенные задачи и достигаются цели гражданского судопроизводства» (с.126).

В рассматриваемой диссертации применительно к надзорному судопроизводству автор выделяет такие функции: проверочная, регулятивная, защитная, контрольная и правообразующая. Как представляется, понятие «задачи надзорного производства», являясь особенными по сравнению с общими задачами гражданского судопроизводства, вполне может охватить все те содержательные аспекты судебной деятельности, которые включаются в понятие «функции надзорного производства» в гражданском процессе. Даже если согласиться с выделением упомянутых выше функций надзорного производства, требует дополнительного обоснования различие регулятивной и защитной функций, с одной стороны, а с другой – проверочной и контрольной.

Что касается выделения самостоятельной правообразующей функции, то это также представляется недостаточно обоснованным. Надзорная инстанция в системе российского права, будучи высшим судебным органом по рассмотрению гражданских дел в национальной судебной системе, не обладает ни правом создавать новые нормы права (что иногда в доктрине именуют позитивным правотворчеством), ни даже упразднять действующие нормы права (что именуется отрицательным правотворчеством и нередко реализуется КС РФ). Между тем без обладания этими признаками вести речь о наличии у того или иного института правообразующей функции едва ли обосновано.

На наш взгляд, все судебные акты надзорной инстанции не что иное, как «прецеденты толкования» норм права. И то, что, как отмечается диссертантом, «законодатель придал толкованию и применению норм права, осуществляемым в рамках надзорного производства в гражданском процессе, официальное неоспоримое значение, определяющее дальнейшую деятельность всех нижестоящих судебных инстанций» (с.137), равно как и то, что арбитражным, в частности, судам в свое время было разрешено в ч.4 ст. 170 АПК РФ ссылаться на судебные акты Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ (с. 137-138), само по себе ничего не меняет. Это же относится к доводу автора о том, что в Концепции единого ГПК РФ содержится призыв сделать обязательными для судов правовые позиции Президиума Верховного Суда РФ, изложенные в обзорах законодательства и судебной практики, а также в принятых по конкретному делу судебных постановлениях (с.138-139).

Все приведенные выше возражения относятся и к иным доводам автора в поддержку выделения соответствующей функции, приводимым в диссертации (с.139-142).

Поэтому в этой связи скорее следует согласиться с диссертантом в том, что к выделению правообразующей функции надзорного производства необходимо относиться «с осторожностью» (с.137).

Как представляется, требует некоторого уточнения используемое при определении «профессионального участника надзорного производства» понятие «личного интереса», с одной стороны. С другой, в зависимости от этого уточнения, возможно, требует дополнительного обоснования отсутствие личного интереса применительно к некоторым из лиц, указываемых диссертантом в определении «профессиональный участник надзорного производства», в частности, к адвокатам. Понятно, что деятельность последних не относится к коммерческой, но это само по себе не влечет полную утрату ими интереса в исходе дела (думается, что пусть не прямо, но косвенно он сохраняется - через т.н. гонорар успеха и т.д.). И, разумеется, требует дополнительного обоснования появление среди профессиональных участников надзорного производства такого субъекта, как Уполномоченный по правам человека, что поддерживается диссертантом (с.150-152).

При рассмотрении различных доводов как «за», так и «против» самостоятельности надзорного производства в гражданском процессе, и приходит к выводу, что только Президиум ВС РФ поистине свободен от такого «давления» существующей правоприменительной практики и «мнения» вышестоящих судов. Хотя в условиях существования КС РФ и ЕСПЧ и эта самостоятельность далека от той самостоятельности, которой обладает, к примеру, Верховный Суд США, являющийся, как известно, единственной и полновластной в масштабах страны высшей судебной инстанцией, к тому же не ограниченной в своей деятельности прерогативами иного, в том числе и внешнего (международного) судебного института. Так, Президиум ВС РФ не исключен из числа судов, которые пересматривают на основании п.п. 3 и 4 ч.3 ст. 392 ГПК РФ свои судебные постановления по новым обстоятельствам, с учетом актов КС РФ и ЕСПЧ (и примеры этого имеются, как это, например, усматривается из постановления

Президиума Верховного Суда РФ от 24.06.2015 по делу N 49-ПЭК15, N А56-48511/2012).

Понимая мотивы диссертанта, касающиеся необходимости расширения самостоятельности суда надзорной инстанции (с.159-161), спорным представляется его вывод о вероятности (и уместности) того, что инициатива возбуждения надзорного производства вскоре снова будет принадлежать должностным лицам самого «надзорного органа», поскольку это, несомненно, важно для осуществления судебной системой самоконтроля (с. 161). На наш взгляд, этот вывод требует, по меньшей мере, более детального обоснования, чем то, которое имеется в диссертации.

Как представляется, в диссертации недостаточно обосновано предложение об увеличении общего срока надзорного оспаривания (до 6 месяцев со дня вступления судебных постановлений в законную силу по сравнению с нынешними 3 месяцами, ч.2 ст. 391.2 ГПК РФ). А для отдельных случаев надзорной проверки судебных постановлений его предлагается увеличить до полутора лет, как это усматривается из ч.ч.3 и 4 проекта ст. XXX+1 проекта единого ГПК РФ (с.194).

Довод диссертанта о том, что это нужно для выявления нарушений и анализа их последствий высшим должностным лицам ВС РФ, с учетом их загруженности по разрешению иных вопросов, необходимо предоставить разумный срок, не вынуждающий к поверхностному отношению к исполнению соответствующего полномочия, представляется не очень убедительным. Трудно понять, что здесь имеется в виду автором диссертации. Особенно принимая во внимание общеизвестную мизерность видимой обществу надзорной активности этих должностных лиц ВС РФ (если судить по количеству проверенных по их инициативе Президиумом ВС РФ судебных постановлений). В этой связи, на наш взгляд, непомерно возрастают риски неопределенности в правоотношениях лиц, участвующих в деле.

Сомнительным в этом плане представляется и одобрительное отношение диссертанта к установленному белорусским законодателем сроку для обращения в суд надзорной инстанции, по продолжительности равному сроку исковой давности (с.164). Думается, между сроками надзорного оспаривания судебных

постановлений и сроками исковой давности нет такой правовой связи, которая давала бы основания оправдывать необходимость их корреспонденции.

Есть к диссертации Быковой И.Ю. и ряд замечаний редакционного характера.

Диссертант, ссылаясь на статью «Новеллы ГПК РФ: «новое вино в старые меха»?», опубликованную в Юридической газете (2011. – №1–2) в качестве ее автора указывает О. Аверину (с. 75). Между тем автором этой статьи является В.В. Ярков.

Формулируя в приложении к диссертации авторский вариант главы о надзорном производстве единого ГПК РФ, едва ли уместно там же приводить дополнительные пояснения отдельных ее норм. Логичнее все соответствующие выводы указывать по тексту диссертации. Иное усложняет восприятие предложений de lege ferenda как предлагаемой диссертантом главы правового акта (а отчасти ведет к дублированию текста диссертации).

Несмотря на указанные выше замечания, которые в основном носят дискуссионный и/или редакционный характер, диссертация Быковой И.Ю. – это самостоятельное монографическое исследование, содержащее аргументированные и апробированные (в частности, в ходе проведения Зимней школы молодых ученых, организованной Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина в 2015 году) теоретические выводы и предложения практического характера, обладающие достаточным элементом новизны и в совокупности содержащие решения ряда актуальных проблем, являющихся предметом диссертации.

Автореферат и имеющиеся публикации отражают основные положения диссертации. Диссертант является автором 5 статей по теме диссертационного исследования (общим объемом 3,2 п.л.), из них 4 (объемом 2,8 п.л.) опубликованы в изданиях, включенных Президиумом ВАК в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук».

ВЫВОД: диссертационное исследование Быковой И.Ю. «Эволюция надзорного производства в гражданском процессе» соответствует критериям,

установленным для диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук в Разделе II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 «О Порядке присуждения ученых степеней», а ее автор - Быкова Ирина Юрьевна – достоин присуждения искомой ученой степени.

Паация Малхаз Шотаевич

доктор юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела гражданского,
арбитражного и административного процесса
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия», партнер НП «Первая коллегия
адвокатов г. Москвы»
109028, г. Москва, ул. Солянка, д. 3, корп. 3;
тел.: +7 (495) 624-10-54;
адрес электронной почты: legist.llc@gmail.com

19 мая 2016 г.

*Согласие партнера
НП «Первая коллегия
адвокатов г. Москвы»
завершено.*

Начальник ОК

19.05.2016г.

(Э.Б. Буракина)